

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-2-34

УДК 39:94(470.64)

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И СТАТУС КАЗАЧЕСТВА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Тхамокова И.Х.

Задача статьи – изучить изменение статуса казачества Кабардино-Балкарии в XX в. и влияние на этот процесс социальных и политических трансформаций.

Работа основывается на принципе историзма, исходя из которого, статус казачества исследуется в динамике.

На протяжении XX в. статус казачества, его место в обществе, отношение государства к нему неоднократно изменялись. В начале века казачество было сословием, но в результате революций оно этот статус потеряло. Среди одной части казачества получили распространение представления о том, что казаки – это отдельный народ, но другая часть присоединилась к официальной точке зрения Советского государства на казачество как на неотъемлемую часть русского народа. Из попытки согласовать два этих мнения появилась концепция советских этнографов о том, что казаки – это особая часть русского народа, этнографическая группа или субэтнос. Политические реформы конца XX в. вновь сделали проблему казачества актуальной, но и в этот период как власть, так и сами казаки не могли определиться с тем, считать ли казачество народом, этнографической группой или общественным движением. При решении этого вопроса все стороны руководствовались не столько научными фактами, сколько своими политическими задачами и интересами.

Ключевые слова: казачество, Кабардино-Балкария, социально-политические трансформации, этнографическая группа.

SOCIO-POLITICAL TRANSFORMATIONS AND THE COSSACKS STATUS IN KABARDINO-BALKARIA

Tkhamokova I.H.

Article task – to study change of the status of the Cossacks of Kabardino-Balkaria during the XX century and its dependence from social and political transformations.

Research is based on the principle of a historicism therefore the status of the Cossacks is investigated in dynamics.

Throughout the XX century the Cossacks status, its place in society, the attitude of the state towards him repeatedly changed. At the beginning of the century the Cossacks were estate, but as a result of revolutions they lost this status. One part of the Cossacks considered that Cossacks are special people, but other part supported the Soviet state that Cossacks are an integral part of the Russian people. The Soviet scientists coordinated both of these opinions and wrote that Cossacks are a special part of the Russian people, ethnographic group or subethnos. Political reforms of the end of the XX century made again a problem of the Cossacks actual, but also during this period as the power, and Cossacks couldn't decide whether are Cossacks the people, ethnographic group or social movement. At the solution of this question all parties were guided not so much by the scientific facts, how many the political tasks and interests.

Keywords: Cossacks, Kabardino-Balkaria, socio-political transformations, ethnographic group.

Вопрос о том, кем является казачество – народом, сословием или этнографической группой, на протяжении многих лет волнует как ученых, так и политиков, а также и самих казаков. Эта тема рассматривалась во множестве научных работ, в политических и правовых документах. Однако до настоящего

времени вопрос о статусе казачества все еще не находит удовлетворительного ответа. Данная статья не претендует на окончательное решение этой проблемы, автор ставит перед собой скромную и конкретную задачу – в рамках Кабардино-Балкарии, одной из автономных республик Северного Кавказа – изучить изменение статуса казачества в XX в. и влияние на этот процесс социальных и политических трансформаций. Применительно к КБР проблема статуса или идентичности казачества в советский и постсоветский период не ставилась еще никогда.

Работа основывается на принципе историзма, исходя из которого, и можно исследовать статус казачества в его динамике. При подготовке статьи использованы статистические и правовые документы, мемуарная литература и полевые материалы автора.

На территории Кабардино-Балкарии в конце XVIII – первой половине XIX в. появилось 7 казачьих станиц. Казаки этих станиц служили в Терском казачьем войске. Казачество сложилось из нескольких социальных и этнических групп: волжских казаков (станция Екатериноградская), отставных солдат (станции Солдатская, Котляревская и Александровская), однодворцев (станция Приближная), «малороссийских казаков» (станция Пришибская) и украинских крестьян (станция Прохладной и часть казаков всех остальных станиц).

Согласно законам Российской империи казаки считались особым сословием наряду с крестьянами, дворянами, мещанами и т. д. Этот статус казачества был закреплен в официальных документах. В науке того периода взгляд на казачество как на сословие являлся если и не общепринятым, то наиболее распространенным, хотя некоторые историки казачества считали его особым народом и пытались доказать, что оно происходит от того или иного народа древности.

Однако уже февральская революция 1917 г. отменила все сословные привилегии и ограничения. Казачество могло исчезнуть, слившись с другими

группами населения России, и его идеологи начали искать выход из этой ситуации. Не случайно именно в 1917 г. Г. А. Ткачев сформулировал свой тезис: «Казачество не есть сословие, которое можно уничтожить, а народ, хотя и говорящий на одном языке с народом русским, уже поэтому оно не может быть уничтожено»[14, с.17]. Подобные взгляды получили распространение среди части казачества, особенно среди тех, кто выступил против советской власти и впоследствии эмигрировал.

Советское государство, однако, никак не могло с ними согласиться. Признать казаков особым народом – значило поддержать их сепаратистские устремления, проявившиеся в годы Гражданской войны. К официальному мнению присоединились те из казаков, кто встал на сторону новой власти. В 1920 г. в документах Первого Всероссийского съезда Трудовых казаков было записано, что «казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, тесно спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи...»[3, с. 244-245]. Можно было бы согласиться с тем, что казачество никогда не было особой народностью или нацией, что большинство казаков являлось неотъемлемой частью русского народа, хотя были среди них и представители многих других народов. Но, необходимо отметить, что, решая вопрос о статусе казачества, как сами казаки, так и Советская власть руководствовались не результатами научных изысканий, а собственными политическими интересами. Место казачества в Советской России определялось не в ходе научных дискуссий, а в ходе Гражданской войны.

Значительная часть казаков выступила против советской власти с оружием в руках. В ответ на это большевистские лидеры готовы были ликвидировать казачество. Наиболее откровенно эти идеи выразил Л.Д.Троцкий: «Уничтожить как таковое, расказачить казачество – вот наш

лозунг! Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области»[Цит. по: 12, с. 40].

Многие казачьи станицы пострадали в годы гражданской войны. После ее окончания власть стала более терпимо относиться к казакам. Лозунг «расказачивания» был снят. В 1924 г. во все местные Советы Северного Кавказа был направлен циркуляр Краевого исполкома, в котором были намечены «пути наиболее успешного вовлечения казачьих трудовых масс в активное советское строительство и общественную работу». Эта задача могла быть выполнена только при «совершенном уничтожении огульно-отрицательного отношения ко всему казаческому, как таковому» [10, с. 89].

Для того чтобы привлечь большую часть казачества на сторону новой власти, нужно было убедить его в том, что власть не стремится к его поголовному уничтожению или «расказачиванию». По отношению к казачеству должен был применяться классовый подход, в соответствии с которым большинство казаков как представители трудового народа могли рассчитывать на лояльность власти. Только с теми, кого отнесли к «эксплуататорским классам», государство вело беспощадную борьбу. «Казачество должно твердо знать и в практике работы госорганов видеть, что советская власть, революционно перестраивая действительность, стремится к уничтожению не казачества, как такового, а пережитков тех причин, которые привели казачество к невольной службе у царя, против рабочих, иногородних и горцев.

Казачество должно знать, что советская власть, различает только классовое расслоение, что она относится совершенно одинаково к крестьянину, казаку, горцу».

Органы советской власти должны были различать среди обычаев казачества: 1) те, которые шли вразрез с основами советской власти; 2) те, которые были ей безразличны и 3) те, которые заслуживали поддержки и поощрения. Соответственно различным должно было быть и отношение советской власти к этим обычаям.

Только первая группа явлений, должна была быть уничтожена: «Не могут, например, культивироваться в быту казака какие-либо особые казачьи привилегии, так как рабоче-крестьянская власть равна для всех трудящихся, не могут привилегии стариков распространяться так далеко, чтобы молодые должны были покидать собрание, на котором присутствует их отец и т.д. и т.п.».

Но даже в борьбе с неприемлемыми для властей явлениями Советы призывались к терпимости и к долгой воспитательной работе: «Исключая случаи, требующие применения немедленных административных мер, нельзя забывать, что переработка быта – дело культуры, что единственное оружие здесь – только воспитание сознательности казачьих масс».

К числу явлений, безразличных Советской власти, относилось право «оставаться и называться казаком, со всеми своими привычками, носить ту или иную одежду, то или иное холодное оружие, ...петь свои сольные песни, собираться на традиционные вечеринки, оказывать почет старикам и т.д. и т.п.»

Поощрения и поддержки заслуживали традиции казачества, касающиеся военной подготовки, исполнения общественных и государственных обязанностей[10, с. 90].

В новых условиях казачество потеряло свой социальный, сословный статус, но могло сохранить свое название и некоторые особенности материальной и духовной культуры, такие как одежда и даже холодное оружие, фольклор, обрядность и т.п. При этом если в прошлом военная форма казаков была знаком их принадлежности к особому сословию, то теперь она стала восприниматься просто как традиционная одежда. То есть те особенности культуры, которые первоначально маркировали социальный статус казачества, превращались в этнические признаки. Но Советская власть по-прежнему не признавала казачество особым народом и не предоставила ему автономию, которую получили многие народы Кавказа.

Некоторые терские станицы оказались в составе этих автономий, казаки попали в положение национального меньшинства. На территории Кабардино-Балкарской автономной области первоначально находились три станицы – Пришибская, Котляревская и Александровская. В 1925 г. в КБАО был создан Казачий округ, в который вошли все три станицы. Руководство Кабардино-Балкарии с большим энтузиазмом поддержало это преобразование. В своем выступлении Б.Э. Калмыков, председатель облисполкома, сказал: «Казачество не является чужим народом, вклинившимся в наши земли, а есть частица нашей области...Надо будет организовать немедленно Казачий ревком и торжественно открыть Казачий округ на Котляревской. Надо дать им возможность самоуправляться и наряду с этим помочь им средствами. Пусть об этом нашем самостоятельном Казачьем округе по всему Северному Кавказу говорят» [4, с. 130-131].

Казаки Кабардино-Балкарии получили ограниченную самостоятельность в рамках своего округа, однако вопрос о статусе казачества долгие годы оставался открытым. Казаки уже не были особым сословием, они не были особым народом, но кем они были – этого никто не мог сказать.

В послереволюционные годы у станиц, имевших большие земельные наделы, часть земли была отрезана, на бывших казачьих землях появились новые поселки, размещались первые совхозы. В результате всех этих преобразований образ жизни казаков почти перестал отличаться от крестьянского, но обособленность казачества какое-то время еще сохранялась. Хотя были ликвидированы существовавшие ранее социальные барьеры между казаками и «иногородними», но и в 20-х гг. казаки редко продавали дома в своих станицах «иногородним». Бывало, что даже станичные Советы отказывались оформлять продажу казачьих домов «иногородним».

Все еще редкими были браки между казаками и «иногородними», казачество не одобряло такие браки. Но со временем обособленность казачества ослабевала.

В 1930 г. самостоятельный Казачий округ в Кабардино-Балкарии был ликвидирован, казачьи станицы вместе с русскими крестьянскими селами вошли в состав Прималкинского района. Это вполне соответствовало взглядам партии и государства на казачество как на неотъемлемую часть русского народа. В 1932 г. к Кабардино-Балкарии присоединили станицы Прохладную, Солдатскую, Приближную и Екатериноградскую. Численность казачества автономной области резко увеличилась.

В период коллективизации многих из казаков объявляли кулаками и выселяли. Некоторые казаки уезжали сами, чтобы избежать раскулачивания. Следствием коллективизации явился голод в Кабардино-Балкарии, как и в других регионах страны. Вследствие голода, раскулачивания и миграции в города и другие регионы страны численность казачества уменьшалась. Некоторые станицы, такие как Екатериноградская и Приближная, никогда больше не достигали той численности населения, которую имели в 20 гг.

После завершения коллективизации, в 1936 г., газета «Правда» объявила, что «казачество стало советским не только по государственной принадлежности, но и по духу, по устремлениям, по преданности советской власти и колхозному строительству» [Цит. по: 12, с.334]. Коллективизация нанесла еще один удар по обособленности казаков. Они превратились теперь в таких же колхозников, как и крестьяне. Но когда реальные социальные различия между казачеством и другими группами населения исчезли, государство не стало торопиться с его полной ликвидацией, а напротив, провозгласило появление нового, преобразованного советского казачества.

О восстановлении былых привилегий казачества, естественно, не могло быть и речи. Как справедливо отмечал в своей работе А.П. Скорик, можно говорить «именно о конструировании нового, колхозного, казачества, а не о возрождении его» [12, с. 217].

Что заставило власть обратить особое внимание на казачество? Возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что «советизация» казачества,

значительная часть которого боролась когда-то против новой власти, явилась наглядным доказательством победы этой власти. Но главной причиной, вероятно, явилось стремление государства использовать казачьи традиции для укрепления обороноспособности страны [12, с.177-178].

В 1936 г. ЦИК СССР принял постановление «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА», которое отменяло «для казачества все ранее существовавшие ограничения в отношении их службы в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, кроме лишенных прав по суду» [12, с.343]. Многие из казаков и до этого постановления служили в Красной Армии, особенно в кавалерии. Теперь же некоторые кавалерийские части получили название казачьих.

В годы Великой Отечественной войны многие казаки Кабардино-Балкарии воевали в рядах Советской армии и не только в кавалерии, но и в других родах войск. Некоторые из них сделали очень успешную военную карьеру, как адмирал А. Головкин, казак станицы Прохладной.

Процесс урбанизации затронул казачество, как и все население СССР. По разным причинам казаки покидали станицы и переселялись в города. В 1937 г. был образован город Прохладный, в состав которого вошла станица Прохладная. Тысячи казаков превратились в горожан. В 1965 г. появился город Майский, в состав которого вошла станица Пришибская. Казаки становились не только колхозниками, но и рабочими. Некоторые из них получали высшее образование и могли занимать высокие должности в промышленности, сельском хозяйстве, партийном и государственном аппарате. Казаки вполне адаптировались к советским порядкам и добивались больших успехов в работе. Например, колхоз «Красная нива» в станице Котляревской в 60-80 гг. был одним из лучших хозяйств республики.

По своему социальному положению казаки ничем не отличались от других жителей республики. Но они хорошо помнили о своем происхождении, и остатки казачьей обособленности сохранялись очень долго. Хотя давно

исчезли запреты на брак между казаками и иногородними, хотя приезжие могли свободно покупать дома и обосновываться в казачьих станицах, все же они иногда жаловались на отчужденность казачества.

В ходе переписей населения и массовых опросов все казаки Кабардино-Балкарии называли себя русскими, что неудивительно: такова была официальная точка зрения, закреплённая записью в паспорте. При ответе на вопрос об основных особенностях казачества, отличавших его от других групп русского населения, чаще всего вспоминали военную службу.

Советская этнографическая наука долгое время не уделяла особого внимания изучению казачества. В одной из крупных обобщающих работ по этнографии речь о казачестве шла в разделе об историко-культурных группах русского народа. При этом было сказано, что на Кавказе и на Дону живут «потомки казаков» [7, с.145]. То есть само казачество, видимо, считалось уже исчезнувшим. Позднее в науке получает распространение взгляд на казачество как на этническую или этнографическую группу, то есть часть народа (этноса), обладающую особенностями культуры и быта. По Ю.В. Бромлею, этническая группа (или субэтнос) отличается от этнографической группы наличием общего самосознания. Некоторые другие авторы не делают различий между этими понятиями. В 1973 г. Ю.В. Бромлей определил казачество как этническую группу, поскольку оно, бесспорно, обладало общим самосознанием и самоназванием [1, с. 33]. Вслед за ним Л.Б. Заседателева писала о терском казачестве как этнографической группе [2, с. 117, 226]. При этом ни один из авторов не обосновал свое мнение сколько-нибудь развернутой аргументацией.

Понимание казачества как этнографической группы не случайно появилось именно в советский период. В это время оно перестало быть сословием, потеряв все свои привилегии. В то же время ученые не могли считать казачество отдельным народом не только потому, что это не соответствовало научным фактам, но и потому, что это противоречило бы официальной точке зрения. В таких условиях этнографы должны были найти

какую-нибудь другую категорию для казачества, и понятие этнографической или этнической группы показалось им наиболее подходящим. Однако это представление было основано не столько на изучении истории и традиционной культуры казачества, сколько на реалиях советского времени.

В последующие годы было предложено новое определение: казаки — это «этносословные группы в составе русского и некоторых других народов» [11, с. 169]. Но никакой аргументацией оно также не сопровождалось и, как и многие другие этнографические термины, не получило теоретического обоснования. Наметились и другие пути решения проблемы статуса казачества. Так, А. В. Сопов, автор одной из новейших работ на эту тему, полагает, что «однозначно трактуемые определения в отношении казачества верны лишь для определенного периода развития этого феномена» [13, с. 58].

В конце XX в., в период коренной социально-политической трансформации общества, проблема казачества впервые за много лет стала вновь интересовать не только ученых, но и политиков и самих казаков. В 1991 г. был принят закон «О реабилитации репрессированных народов». Действие этого закона распространялось и на казачество, но в самом законе оно отнюдь не названо народом. Казачество приводится в нем как пример исторически сложившейся культурно-этнической общности людей [3, с.19], что довольно близко к существовавшим в советской этнографии представлениям о казачестве как историко-культурной или этнографической группе. В то же время ряд законодательных актов содержит совершенно иные формулировки, касающиеся казачества. В них упоминаются, например, «граждане, добровольно вступившие в установленном порядке в казачьи общества (далее именуется казаки)» [3, с. 32]. Принцип добровольности больше подошел бы политической партии или общественному движению, чем исторически сложившейся общности людей. Подобная же неустойчивость, изменчивость в понимании статуса казачества проявляется и в ряде документов современного

казачьего движения, на что уже обращали внимание ученые, в том числе Г.О. Мациевский [6]

Казачество Кабардино-Балкарии также колебалось с самоопределением. При обсуждении этого вопроса обнаружилось «два направления: возрождение терского казачества как исторической общности, как народа, субэтноса или возрождение как служилого сословия под названием «Терское казачье войско» [5, с. 20]. Концепция казачества сложилась у активистов казачьего движения под влиянием монографии Л.Б. Заседателевой «Терские казаки», в которой казачество определялось как этнографическая группа. При этом казаки не видели принципиальной разницы между народом и субэтносом или этнографической группой.

Статус народа имел для казачества Кабардино-Балкарии не только теоретическое, но и большое практическое значение. В 1991-92 г., в период бурной деятельности национальных движений, на съезде балкарского народа была провозглашена суверенная республика Балкария, а затем на съезде кабардинского народа – суверенная республика Кабарда. Перед Кабардино-Балкарией стояла реальная угроза распада. В этих условиях казаки имели все основания опасаться за свое будущее. Для них было очень важно, чтобы их признали одним из коренных народов республики. Именно с этим они связывали свое право на занимаемые ими земли. Как пишет бывший атаман М.М. Клевцов, «объявляя себя терскими казаками как народом и считая себя правопреемниками своих предков на эти земли, мы отстаивали свои права проживания на них как один из коренных народов Кабардино-Балкарии... Применение термина «войско», по нашему мнению, лишало нас права на земли своих предков. Во всяком случае, могло поставить под сомнение эти права и давать повод для дискуссии о них» [5, с. 21]. Как и в прошлом, определение статуса казачества зависело не столько от научных исследований, сколько от реальной политической обстановки в стране и в республике.

Некоторые из руководителей КБР в 90 гг. придерживались той точки зрения, что казачество – это не этноисторическая общность, а «лишь сконструированная и мобилизованная память о социально-культурной традиции и политической практике царского режима» [8]. Эта позиция вызвала обеспокоенность казачества тем, что «реально существующих терских казаков, проживающих в Кабардино-Балкарии уже более 200 лет, теперь как бы и не существовало» [5, с.188]. Можно было бы привести немало примеров того, что «сконструированная и мобилизованная память» является атрибутом именно этноисторических общностей, в том числе и наций, поэтому противопоставлять одно другому некорректно. Но в действительности причины разногласий в определении статуса казачества лежат совершенно в иной плоскости. Если казаки опасались, что, не получив статус коренного народа, они потеряют право на свои земли, то руководители Кабардино-Балкарии подозревали их в стремлении получить слишком большую долю земли в ущерб другим жителям республики [8]. Именно по этой причине казакам отказывали в праве считаться этноисторической общностью. То есть за, казалось бы, научной проблемой в очередной раз скрывались экономические интересы различных групп населения республики.

Как показывают материалы переписей населения 2002 г. и 2010 г., большинство казаков Кабардино-Балкарии по-прежнему не считает себя особым народом. На вопрос о национальной принадлежности они дали ответ – русские. В 2002 г. только 307 жителей республики назвали себя казаками [9, с. 12], в 2010 г. – 489 [15, с.79]. При этом жители станиц прекрасно помнят о своем происхождении, они считают себя казаками, о чем свидетельствует сам факт появления казачьего движения в республике. Но они, видимо, не считают казачество особым народом.

В последние годы многие из казаков, особенно молодежь, уезжают из Кабардино-Балкарии. Численность казачества, как и русского населения в целом, сокращается.

На протяжении XX в. статус казачества, его место в обществе, отношение государства к нему неоднократно изменялись. Если в дореволюционный период казачество имело четко определенный статус в обществе – оно было сословием, то после отмены сословий оно этот статус потеряла. Перед казаками встал вопрос: кем себя считать? Поскольку сословные барьеры, отделявшие казаков от других групп населения, исчезли, то оставалась единственная возможность: определить себя как этническую общность того или иного уровня. Среди одной части казачества получили распространение представления о том, что казаки – это отдельный народ, но другая часть присоединилась к официальной точке зрения Советского государства о том, что казаки являются неотъемлемой частью русского народа. Из попытки согласовать два этих мнения появилась концепция советских этнографов о том, что казаки – это особая этнографическая группа или субэтнос. Политические реформы конца XX в. вновь сделали проблему казачества актуальной, но и в этот период как власть, так и сами казаки не могли определиться с тем, считать ли казачество народом, этнографической группой или общественным движением. При решении этого вопроса все стороны руководствовались не столько научными представлениями, сколько своими политическими задачами и интересами.

Список литературы

1. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.
2. Заседателева Л. Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.): Историко-этнографические очерки. М: Изд-во Моск. Ун-та, 1974. 423 с.
3. Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии. 1917 – 1940 гг. / Сост., вступ. ст., предисл., примеч. Н. Ф. Бугая, А. М. Гонова. Нальчик: Эль-Фа, 1999.
4. Калмыков Б.Э. Статьи и речи. 2-е изд., доп. Нальчик: Эльбрус, 1983. 239 с. С. 130-131.
5. Клевцов М. М. Записки атамана. 2-е изд. М.: Новости, 2008. 544 с.

6. Мациевский Г.О. Идеологемы современного казачьего движения // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №9 (17). Красноярск: Научно-инновационный центр, 2012. URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/matsievsky.pdf> (дата обращения 18.01.2013).
7. Народы европейской части СССР. Этнографические очерки. / Под общ. ред. чл.-кор. АН СССР С. П. Толстова. Т. 1. М.: Наука, 1964. 984 с. С. 145.
8. Нахушев З. А. Прецедент противопоставления народов // Кабардино-Балкарская правда. 1996. №175.
9. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Кабардино-Балкарской республики. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Официальное издание. Нальчик, 2005. 112 с. С. 12.
10. Русские на Северном Кавказе. 20-30-е годы. Документы, факты, комментарии. / Сост., предисл., коммент. А.М. Гонова. Под ред. Н. Ф. Бугая. Б.м.: Б.и., 1995. 391 с. С. 88-91.
11. Сагнаева С. К. Казаки // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В. А. Тишков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 169-174.
12. Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: очерки истории. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2008. 343 с.
13. Сопов А.В. Динамика социально-политического и этнокультурного статуса казачества. Автореф. дис... д-ра. ист. наук. М., 2012. 68 с.
14. Ткачев Г. А. О казачьем землепользовании. Владикавказ: Б.и., 1917. 23 с.
15. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (дата обращения 15.01.2013).

References

1. Bromlej Ju.V. *Jetnos i jetnografija* [Ethnos and ethnography] Moscow: Nauka, 1973. 283 p.
2. Zasedateleva L. B. *Terskie kazaki (seredina XVI – nachalo XX v.): Istoriko-jetnograficheskie ocherki* [Tersky Cossacks (the middle of XVI – the beginning of the XX century): Historical and ethnographic sketches.]. Moscow: Izd-vo Mosk. Unta, 1974. 423 p.
3. *Kazachestvo Rossii. Istoriko-pravovoj aspekt: dokumenty, fakty, kommentarii. 1917 – 1940 gg.* [Cossacks of Russia. Historical and legal aspect: documents, facts, comments. 1917 – 1940.] Nalchik: Jel'-Fa, 1999.
4. Kalmykov B.Je. *Stat'i i rechi* [Articles and speeches]. Nalchik: Jelbrus, 1983. 239 p.
5. Klevcov M.M. *Zapiski atamana.*[Notes of the ataman]. Moscow: Novosti, 2008. 544 p.
6. Macievskij G.O. Ideologemy sovremennogo kazach'ego dvizhenija [Ideologems of modern Cossack movement]. *Sovremennye issledovanija socialnyh problem* [Modern researches of social problems], no 9 (2012). <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/matsievsky.pdf>. (accessed Janyary, 18, 2013)
7. *Narody evropejskoj chasti SSSR. Jetnograficheskie ocherki* [People of the European part of the USSR. Ethnographic sketches.] V. 1. Moscow: Nauka, 1964. 984 p.
8. Nahushev Z. A. Precedent protivopostavlenija narodov [Precedent of opposition of the people]. *Kabardino-Balkarskaja pravda*, no. 175 (1996).
9. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo naselenija Kabardino-Balkarskoj respubliki. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2002 g.* [National structure and language skills, nationality of the population of Kabardino-Balkar Republic. Results of the All-Russian population census of 2002]. V. 4. Nalchik, 2005. 112 p.

10. *Russkie na Severnom Kavkaze. 20-30-e gody. Dokumenty, fakty, kommentarii* [Russians in the North Caucasus. 20-30th years. Documents, facts, comments]. 1995. 391 p.

11. Sagnaeva S. K. *Kazaki – Narody Rossii: Jenciklopedija* [Cossacks – People of Russia: Encyclopedia. Moscow.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1994. pp. 169-174.

12. Skorik A.P. *Mnogolikost' kazachestva Juga Rossii v 1930-e gody: ocherki istorii* [Variety of the Cossacks of the South of Russia in the 1930th years: history sketches]. Rostov-na-Donu, 2008. 343 p.

13. Sopov A.V. *Dinamika social'no-politicheskogo i jetnokul'turnogo statusa kazachestva* [Dynamics of the socio-political and ethnocultural status of the Cossacks]. Moscow, 2012. 68 p.

14. Tkachev G. A. *O kazachem zemlepolzovanii* [About the Cossack land tenure]. Vladikavkaz, 1917. 23 p.

15. Toma oficial'noj publikacii itogov Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. T. 4. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo* [Volumes of the official publication of results of the All-Russian population census of 2010. Vol. 4 . National structure and language skills, nationality]. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf (accessed January, 18, 2013).

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Тхамокова Ирина Хасановна, старший научный сотрудник сектора этнологии, кандидат исторических наук

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН

ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, 360000, Россия

e-mail: omarakana@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tkhamokova Irina Hasanovna, senior staff scientist of sector of ethnology, candidat of historical sciences.

Institute of Humanitarian Researches of the Kabardino-Balkarian Russian Academy of Sciences scientific center

18, Pushkin str., Nalchik, 360000, Russia

e-mail: omarakana@mail.ru

Рецензент

Шажева Н.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН